

Щеглов Борис Сергеевич, Агафонова Татьяна Петровна

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРАВА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье рассматриваются различные аспекты права в контексте постнеклассической рациональности. Право выступает как собственная ответственность и рефлексивный контроль. Демонстрируются особенности рациональности права и свободы выбора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 221-224. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

NECESSITY OF MUSEUMIFICATION OF MOVABLE ART OBJECTS RELATED TO HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

Aleksandr Borisovich Shukhobodskii

Department of Culturology
St. Petersburg State University
iso.museum.mem@gmail.com

The author presents the analysis of modern understanding and consideration of movable art objects inextricably related to historical and cultural monuments and substantiates the necessity and importance of these objects museumification under the conditions of different forms of cultural heritage ownership.

Key words and phrases: historical and cultural monument; cultural heritage object; cultural value; museumification; culture; culturology.

УДК 316.3

В статье рассматриваются различные аспекты права в контексте постнеклассической рациональности. Право выступает как собственная ответственность и рефлексивный контроль. Демонстрируются особенности рациональности права и свободы выбора.

Ключевые слова и фразы: право; рациональность права; постнеклассическая рациональность; рефлексивный контроль.

Борис Сергеевич Щеглов, д. филос. н., профессор

Татьяна Петровна Агафонова, к. филос. н.

Кафедра философии

Таганрогский государственный педагогический институт

vitl_2002@list.ru

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРАВА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ[©]

Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2011) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП.2.1.3.9223 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта – доктор философских наук, профессор В. В. Попов.

Постнеклассическая теория использует концепцию классической рациональности, но именно применение концепции постнеклассической рациональности помогает разрешению ряда теоретических проблем, которые стоят перед современной правовой наукой. На основе того или иного определения рациональности современные авторы выходят на достаточно широкий спектр проблем, в рамках которых рациональность является тем понятием, вокруг которого в дальнейшем проводятся систематические теоретические исследования. Однако, фактор рациональности интересен не только с точки зрения правовой теории как таковой, но и с точки зрения задач изучения правовых процессов и правовой деятельности в конкретных прикладных сферах. Конечно, речь идет о правовом рационализме, о моделях рационального правового поведения, а шире – о рационализме в контексте правовой культуры, в составе новой правовой парадигмы, что органически связано с современной интерпретацией феномена рациональности в рамках концептуального аппарата современной теории познания. Следует отметить, что анализ природы рациональности и ее значения в системе человеческой деятельности представляет собой проблему, интенсивно обсуждаемую в современной философской литературе.

Нередко проблема рациональности идентифицируется с проблемой определения точных критериев научной иррациональности, причем в ряде работ сама проблема рациональности отождествляется с проблемой постнеклассической рациональности. Это весьма обстоятельно рассмотрено в работах В. С. Степина, В. С. Швырева, А. Л. Никифорова [3; 5; 6]. Отметим лишь, что эти проблемы фактически не отождествляются. Действительно, в современной литературе имеет место определенное размывание четких критериев научной рациональности. Однако проблема эта до некоторой степени может быть снята в том отношении, что сама проблема рациональности как таковая шире, чем она представлена в науке и в теоретическом познании вообще, ибо фактически рациональность будет охватывать не только рациональные формы познания и сознания, но и способы человеческого действия и поведения.

Современный кризис самой идеи классической рациональности – это именно кризис классических представлений о ней. Он выступает как симптом общего кризиса методологических основ классической европейской науки и связан с утратой ясных ориентиров, которые были свойственны классической интерпретации рациональности. Характерной особенностью понимания проблем рациональности как в зарубежной, так и в отечественной литературе является идея монологичности классического разума, что не могло не привести к тому, что возник целый ряд типов рациональности. В результате этого произошла определенная релятивизация интерпретации

[©] Щеглов Б. С., Агафонова Т. П., 2011

научного знания. В философии науки идея плюрализма типов рациональности в той форме, в которой она существует в современном сознании, практически лишает саму идею рациональности ее исходного принципа, связанного с осознанным поиском глубинных основ адекватного существования человека в окружающем его универсуме, ибо рациональность как бы растворяется в технологиях частных парадигм человеческой деятельности. Однако в таком случае утрачиваются основания для выделения рациональности как некоторого локального принципа культуры и способа отношения человека к миру. Очевидно, что в настоящее время необходимо жестко размежеваться с прямолинейностью классической рационалистической концепции. И в этом смысле вполне справедлива критика в адрес ее монополизма. Отметим, что рационалистический монополизм является предметом только философского мышления. Он весьма активно проявляется в ряде конкретных наук, которые пытаются выработать определенные рационалистические критерии для построения тех или иных моделей.

Такие характеристики как соразмерность, соответствие, адекватность позиции субъекта в действительности в широком смысле призваны обеспечить эффективность как рациональности познания, так и рациональности действия. Рациональное отношение к миру обязательно предполагает нацеленность на эффективность, на успешность действия, так что обязательным условием рациональной деятельности и рационального отношения к миру выступает специальное усилие сознания по анализу позиций самого субъекта, по отношению к той реальной ситуации, в которой он, собственно говоря, и находится. При этом постнеклассическая рациональность связана с адекватным пониманием проблемной ситуации, в которой находится субъект действия в результате сознательного управления собственным поведением. Такая рациональность предполагает два обязательных условия: рефлексивный самоконтроль и учет требований реальности. Собственная ответственность и рефлексивный самоконтроль определяют свободу субъекта действия, которая противостоит субъективной зависимости от внешних сил.

Рациональность предполагает альтернативность поведения, возможность выбора вариативных способов действия. В зависимости от того, какие слои ментальных предпосылок деятельности и в какой степени становятся предметом рефлексивного контроля в процессе их объективирующего моделирования, устанавливаются различные уровни и степени рационализации деятельности.

Явной ограниченностью классического рационализма являлось именно непонимание сложности процесса рационализации, упрощенное представление о прозрачности собственного менталитета для рефлексизирующего сознания. Постнеклассический рационализм должен исходить из относительности самоконтроля в реальной жизни. Рациональность в смысле осознанного поиска позиции, адекватной действительности не осуществляется в чистом виде; она охватывает какие-либо стороны человеческого мироотношения, переплетаясь, конечно, с нерациональными его формами.

Присущая рациональности свобода выбора реализуется в поисках оптимального способа достижения определенных целей, причем степени рациональности зависят от характера и масштаба выбранных в данной парадигме целей, видов деятельности, ориентиров, моделей поведения и т.д. В современной литературе на первый план выходит идея открытой рациональности, основа которой заключается в осознанной готовности к постоянному совершенствованию основания мироориентации человека как свободного субъекта, контролирующего свои позиции по отношению к окружающему его миру. При этом проблема так называемой формальной ориентации в смысле Р. Швери или в веберовском смысле отходит на второй план. Идея же открытой рациональности, как принцип рациональности на высоте ее возможностей, оказывается связанной с другими понятиями, характеризующими специфику человеческого бытия и окружающей его действительности.

В постнеклассической теории основная модель поведения человека, например, в сфере правовых отношений, в принципе не отличается от поведения человека на рынке труда и капитала. Однако это происходит тогда, когда сам предмет теории включает все возможные области человеческого поведения. В этом случае определение предмета теории уже будет аналитическим, а не просто классификационным. С другой стороны, аналитическое определение предмета теории имеет в виду собственный подход в исследовании, что делает необязательным выделение какой-то особой области.

Нельзя не отметить, что многие ученые, особенно в сфере права, не придерживаются постнеклассической традиции, но широко пользуются классификацией рабочих моделей для обозначения специфических характеристик предлагаемых подходов. При этом в ряде случаев подобные подходы означают классификацию всех моделей поведения по двум основным критериям: информационная обеспеченность и ориентация на собственный интерес.

Определяя условия интерпретации поведения человека как рационального, следует учитывать ряд его структурных элементов:

- 1) цель;
- 2) средства ее достижения;
- 3) используемая информация.

Но нельзя не учитывать и то, что само поведение человека представляет определенный спектр возможностей выбора. Рациональным может считаться поведение, направленное на реализацию поставленной человеком цели, а также поведение, направленное на реализацию приписываемой человеку цели, так что вопрос переносится в сферу соотношения осознаваемой и неосознаваемой цели поведения.

С точки зрения определения вида целей, как это принято в современной постнеклассической рациональности – цели рациональности, в модели правового поведения можно выделить инструментальную и ценностную рациональность; инструментальная рациональность характерна для постнеклассического варианта (например, в правовой теории); что же касается ценностной рациональности, она ближе к другим социально-гуманитарным теориям.

Постнеклассическая рациональность выступает как инструментальная, если человеческая деятельность связана с выбором средств, наиболее подходящих для реализации выбранной цели. Из этого следует, что

инструментальная рациональность и будет соответствовать концепции постнеклассической рациональности, которая используется, например, в постнеклассической правовой теории. Такая обусловленность определяется самим свойством инструментальной рациональности, которая связана с ранее выбранной целью. Что же касается вопроса о формировании самих целей, то данная концепция ответа не дает; такое свойство рациональности следует из принципа методологического индивидуализма. В конце концов, оказывается, что, например, субъект правовой деятельности будет рациональным лишь в той ситуации, когда он эффективно концентрирует некоторую достаточно выраженную цель в рамках предельно четко обозначенных возможностей. При этом естественно, что рациональность может пониматься и как объективная, и как субъективная точка зрения; это зависит от того, формирует ли человек адекватную картину правовой деятельности, или же речь идет только о субъективно определенной цели на фоне выделенных альтернатив в рамках той же правовой среды. Цель выступает в качестве критерия выбора среди имеющихся альтернатив, вопрос об их необходимом соотношении решается достаточно просто при неизменности самой цели, в противоположном же случае, предполагающем изменение целей как результат изменений в системе предпочтений, появляется несопоставленная ситуация выбора, так как не существует работающей теории, способной объяснить подобное изменение. Одним из возможных направлений в решении таких проблем является поиск целей более высокого ранга. Инструментальность рациональности и связанная с ней предпосылка об определенности предпочтений обычно обусловлены возможностью математизации моделей принятия решений и их проверки [1; 3; 4].

В ситуации, когда используется понятие инструментальной рациональности, сам человек рассматривается как некоторая «неопределенность». При входе в нее существует совокупность данных, а на выходе – уже принятое решение. Собственно, какие процессы происходят в рамках этой неопределенности, с точки зрения инструментальной рациональности особого значения не имеет, потому что постулатом является внутренняя согласованность предпочтений. Таким образом, экзистенциальные проблемы снимаются, внутренняя сущность человека рассмотрению не подлежит, а поэтому снимаются трудности, связанные с математизацией процесса принятия решений, и всегда можно использовать предпосылки о стабильности предпочтений. И, как следует из постнеклассической теории, это означает, что человек должен выбирать не между различными типами благ, а между различными типами собственных предпочтений. В этом случае возникает вопрос о ценности и, как следствие, – проблема определения ценностной рациональности. Рациональности будут являться ценностными, если в них объектом выбора будет служить непосредственно цель. Другими словами, человек ищет цель для ее реализации, а затем ищет средства для ее реализации. Поэтому процесс целеполагания становится одним из важнейших элементов модели поведения человека. Вполне справедливым будет отметить, что ценностная рациональность непосредственно связана с потребностью человека в самовыражении. Если же провести параллель с инструментальной рациональностью, то подобные ситуации будут означать не что иное, как перенос приоритета с цели на средства.

Ценностная рациональность обычно поднимает вопрос, связанный с гносеологическими противоречиями, и в результате обычно возникают затруднения в самом процессе принятия правильных и последовательных решений. Наиболее оптимальным выходом из подобной ситуации является поиск и элиминация тех данных, которые создают познавательный диссонанс. На следующем шаге вырабатываются адекватные индивидуальные решения, которые уже при работе с моделями представляются как ценностно-рациональные. Постнеклассическая теория в качестве исходного момента непосредственно принимает принцип рациональности. Однако альтернативные ей концепции в основном построены на основе неопределенности, которая, естественно, переинтерпретирует понятие рациональности. Выделение полной и неограниченной рациональности основывается на том, насколько полно учитываются в модели имеющиеся альтернативы использования ограниченных средств реализации поставленных целей. Концепция полной рациональности предполагает существование такого исследователя, который учитывает все возможные альтернативы на стадии принятия решения. Полная рациональность предполагает выполнение двух основных условий: внимание и интеллект человека являются неограниченными, что позволит в качестве рационального рассматривать человека, который способен реализовать наилучшую альтернативу; но такое положение явно не является реалистичным, а, кроме того, в рамках концепции полной рациональности нельзя обнаружить возможности открытия новых ресурсов. Постулат относительно ограниченности интеллекта требует другого взгляда на модели той же правовой информации, которая является крайне необходимой для самой правовой деятельности. Таким образом, возникает потребность принятия решений, предполагающих уход от большого объема информации на основе использования многоуровневого поиска; ограниченность интеллекта определяет переход от полной рациональности к ограниченной, которая переносит приоритет с результата на процесс; в этой связи традиционное поведение может быть обозначено как процедурно-рациональное, так как в этом случае изменяется время принятия решений. Однако, с другой стороны, сам выбор в процессе принятия решений может быть обозначен через понятийный аппарат процедурной рациональности, то есть на уровне конкретной ситуации ограниченная рациональность должна быть дополнена процедурной рациональностью.

Если в постнеклассической теории используется тезис о неизменном уровне рациональности поведения индивида в правовой сфере деятельности, что, в общем, является необходимым следствием полноты самой рациональности, то в ряде смежных концепций рассматриваются случаи, в которых сам индивид будет учитывать, выбирать и сравнивать имеющиеся альтернативы. Как раз это имеется в виду при определении поведения как рационального.

Постнеклассическая рациональность, предполагающая изменение своего уровня, будет называться селективной; с учетом такого определения необходимо иметь в виду, что рациональность может пониматься и как содержание выполнения каких-то конкретных действий, и как их результат. Но селективная рациональность не предполагает, например, построения оптимизационной модели поведения, когда значение имеет только результат действия, а не сама стратегия.

Что же касается сложности задачи выбора, то она непосредственно зависит от частоты количественных показателей и степени их предполагаемого обособленного исследования. Немаловажное значение имеет также степень подобия модели данной ситуации тем моделям, с которыми индивид уже имел дело. Имея полную рациональность, можно предположить, что индивид обладает полной информацией о позитивных сторонах достигнутого результата [2].

При рассмотрении адекватной мотивации следует постоянно коррелировать два основных аспекта. С одной стороны, чем большее значение имеет выбор, тем больше времени уходит на анализ самой проблемы, но тем быстрее человек и освоит ее. С другой стороны, следует иметь в виду, что чем больше человек уверен относительно того, что его выбор оказывает влияние на сам результат, тем сильнее мотивация рационального поведения с точки зрения самой стратегии выбора.

Когда селективная рациональность касается частоты и качества адекватной информации, приоритетное значение будет иметь соответствие получаемой информации содержанию выбора, так как будет действовать принцип, связывающий адекватность информации с независимостью рациональности. Другими словами, чем адекватнее информация, тем адекватнее модель принятия решения соответствующей независимой рациональности. Обычно в подобных ситуациях используется модель с минимальным уровнем сложности, так как, например, правовые институты способствуют максимальному упрощению мыслительных операций, которые возникают в ходе принятия решений. Если речь заходит об адекватной информации, то, естественно, информированность является необходимым фактором для изменения в целях, с учетом которых будут приниматься решения. Стремление к увеличению частоты выбора обычно не только дает возможность снизить вероятность отхода от предельного решения, но и увеличивает для субъекта полезность полученной информации.

Заметим, что речь идет только о различных типах индивидуальной рациональности, так как решение проблем переносится фактически в сферу принятия индивидуальных решений, необходимых для обращения к субъекту правового решения, деятельности и поведения. Рассмотрение же моделей интерактивной рациональности в задачи данного исследования не входило, как не входило, например, рассмотрение соотношения рационального и нерационального на уровне индивидуальном и интерактивном.

Список литературы

1. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986.
2. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. 480 с.
3. Никифоров А. Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье. М., 1999. С. 295-313.
4. Попов В. В., Щеглов Б. С. Логика «будущего изменения» А. Прайора // Смирновские чтения. 2001. С. 157-159.
5. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
6. Швырев В. С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 107-114.

LAW RATIONALITY IN POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

Boris Sergeevich Shcheglov, Doctor in Philosophy, Professor
Tat'yana Petrovna Agafonova, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Taganrog State Pedagogical Institute
vitl_2002@list.ru

The authors discuss various aspects of law in the context of post-non-classical rationality, consider law as one's own responsibility and reflexive control and demonstrate the features of law rationality and freedom of choice.

Key words and phrases: law; law rationality; post-non-classical rationality; reflexive control.

УДК 130.122

Статья раскрывает специфику феномена свободы личности. Основное внимание в работе автор акцентирует на свободе личности и ее самоопределении в формировании духовности.

Ключевые слова и фразы: свобода личности; самоопределение; высокодуховная личность; «границы» свободы.

Айбулат Римович Янгузин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии и методологии науки
Бакирский государственный университет
nbret@yandex.ru

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ®

Человек, включённый в природную, биосоциальную и экосоциальную системы, представляет собой уникальное социокультурное и духовное явление. Но уникальное, неповторимое есть в то же время проявление абсолютного начала в личности.